

Мне не верилось, что когда-то побываю на Святой Земле. И теперь, когда уже дважды был на ней, не верится, что я своими ногами ступал по следам Спасителя. Все как приснилось: и в этом дивном сиянии лучезарного сна я вновь и вновь, уже совершенно бесплотно, иду и иду по долинам и горам Палестины. Господи Боже мой, это я, грешный, поднимался на Фавор, это мое грешное тело погружалось в целебные струи Иордана, мои глаза видели Мертвое море и долину Иосафата, мои руки касались мрамора и гранита Голгофы и Вифлеема. И это я пил из источника Благовещения Пресвятой Богородицы в Назарете. Я, грешный, стоял на развалинах дворца царя Ирода, откуда был отдан приказ об избивении вифлеемских младенцев...

Молитвенность - вот слово, которое постоянно звучит в памяти слуха, когда уносишься в ветхозаветные и новозаветные времена Святой Земли. Все здесь молитвенно: медленные, редкие облака над Хевроном, зеленое и золотое сияние холмистых берегов Тивериадского моря, синее и серебристое мерцание его поверхности, по которой «яко по суху» ходил Иисус Христос, темная зелень и выгорающая трава Блаженств, тихий шелест ветра в листьях деревьев Фавора, жаркое дыхание раскаленных серо-коричневых склонов Сорокадневной горы, ласковое прохладное течение хрустальных вод Иордана... - все-все говорит нам о святости и вечности. И о том, что именно здесь свершилась победа над смертью, именно здесь Господь открыл тайну спасения души. Она легка - не надо грешить. И она тяжела - не грешить трудно.

Мы стремимся к Святой Земле, потому что чаем спасения.

Нет ни одной церковной службы, ни одного праздника, которые бы не соединяли нас с Палестиной. Раскройте Евангелие на любом месте, и вы уже уносите с сердцем и мыслями на пути и тропы, пройденные Иисусом Христом, Его Пречистой Матерью и Его учениками.

Но тот, кто был в Палестине, тот знает этот мучительный, неотступный вопрос: если я был в Иерусалиме и не стал лучше, зачем же я тогда ездил? И разве нам, немощным, достичь хотя капли той святости, о которой я слышал от одной из монахинь Горненского русского монастыря: некий человек так возлюбил Христа, что всю жизнь посвятил Ему и всегда стремился в Иерусалим. Но считал себя недостойным, все молился и молился. И постился, и причащался. Наконец решился и пошел. И все-таки, уже подойдя к стенам Иерусалима, человек сказал себе: «Нет, я недостойн войти в город Спасителя. Я только возьму три камня от его стен и пойду обратно». Так и сделал. В это время старцы иерусалимские сказали: «Надо догнать этого человека и отнять у него два камня, иначе он унесет всю благодать Вечного Города».

И мы, грешные, тоже стараемся увезти с собою хоть крошечки благодати. В гостинице Вифлеема, где я жил первый раз, я спросил у палестинца-администратора Дауда (Давида), он говорил, по-моему, на всех языках:

- Дауд, скажи, чем русские паломники отличаются от других: от американцев, французов, англичан, немцев?

Дауд прямо весь озарился и заулыбался: - О, очень просто: у всех чемоданы, чемоданы, чемоданы, а у вас цветы, листья, камни, вода.

Помню, провожали нашу группу. Я увидел женщину в годах, которая еле-еле тащила две сумки. Я кинулся ей помочь, перехватил их и чуть не надорвался:

- Матушка, да ведь ты, наверное, весь Иордан увозишь?

- Ой, миленький, - отвечала она, - ведь меня так ждут, так ждут. И в детдом надо бутылочку, и в больницу, и в тюрьму. А подружек-то у меня, а родни!

- Но ведь это такая тяжесть.

- Миленький, мне только до Казанского вокзала, а там уж поезд довезет. Из Саратова я.

И ведь довезет. И уже довезла.

Может быть, промыслительно Святая Земля так далеко от России и так труднодоступна. Нельзя привыкать к святыне. И та неделя, те десять дней паломничества, прожитые в святых местах, потом превращаются в долгое счастливое время воспоминаний.

Как представить, что звезда идет по небу? А как представить, что в последние времена солнце померкнет, луна не даст света и звезды сместятся? Я стоял в темноте палестинской ночи, запрокидывал голову, и мне на лицо радостным дождем сыпались звезды. Представлялись ясли, сухое дуновение сена, добрые морды коров и овец, и эти пастухи, сразу поверившие бесхитростными сердцами, что в мир пришел Спаситель. И умные звездочеты, и купцы, и золото, и ладан, и

смирна. Как вместить, как понять великую Божию милость, Его любовь и терпение и спасение нас, грешных, посланием в мир Своего Сына? Это было здесь, здесь, в городе Давидовом. И за что мне такая неизреченная радость?

Долго рассказывать и не надо, как я попал в Страстную субботу в храм Гроба Господня. Мне же надо было переправиться из палестинской территории на израильскую. В начале седьмого утра я был у ворот вечного города, вошел в них, дошел до храма, но... уже всюду были войска, полиция, в храм не пускали. В нем, я знал, были те из паломников, которые пришли туда чуть ли не за сутки до двух часов следующего дня, то есть до того времени, когда на Гроб Господень нисходит небесный Благодатный огонь. Схождение огня - это главное событие жизни Земли, это планетарное потрясе-

насколько было можно, к гробнице, я упал на колени и молился Той, Чьим домом стала Россия, под Чьим покровом мы спасаемся. И как вспомнил акафист Ее Покрову и то, как в нашем академическом храме поют «Радуйся, Радосте наша, покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором», как вспомнил распев молитвы «Царице моя Преблагая», как зазвучали в памяти слова высокие молитвенные звуки 13-го кондака акафиста «О Всепетая Мати», стало так сладко и отрадно, что я - православный, русский, что мне не стыдно за свое Отечество, не забывшее Божию Матерь... Взял на память белых свечей и пошел в Гефсиманский сад. Маслины, низкие, огромной толщины, корявые, были зелены. Лишь та, у которой, по преданию, Иуда лобзанием своим предал Христа, была мертва, суха, в коростах желтой плесени. А место, где по-

янина и заставили нести крест. Симон ехал с сыновьями на поле. Он понес крест, а сыновья поехали дальше. Тут Антониева башня. В этот переулочек можно свернуть, выйти к мечети Омара, там Стена иудейского плача, а подальше мечеть Аль-Акса. Отполированные камни улицы холодили босые подошвы. Вот след руки Спасителя. Изнемогая, Он прислонился к стене. У следа Его ладони фотографировались, примеряя к впадине свои ладони и обсуждая размер, какие-то европейцы. Я ощутил в себе подпирющую к горлу печаль: да что ж это я такой бесчувственный, я же на Скорбном пути, я же не турист - ходить по схемам буклетов. Я пытался найти хотя бы какой-то угол, где бы мог стать один, чтоб не толкала, чтоб помолиться. Но если и был какой-то выступ, он не защищал от шума и крика торговцев.

Мало того, началась драка. В храм ворвались крепкие парни, лет между тридцатью и сорока. В белых футболках, с красными платочками на шее, будто с галстуками. Это чтобы в драке видеть своих. Появление крови вызвало крики ликования. Полиция работала дубинками всерьез, драку подавили.

Примерно к часу полиция вновь расширила коридор вокруг часовни. Вошли священнослужители, внесли патриарха Иерусалимского Диодора. Его принесли на носилках. Слабой рукой, невысоко ее поднимая, он благословлял... молящихся, или, лучше сказать, собравшихся. Его обнесли вокруг часовни один раз, он слез с носилок у входа в Гроб Господень и стоял, а остальные священники обошли часовню еще два раза. В шуме не было слышно слов молитвы, но мы знаем, что в это время поется воскресная стихира шестого гласа: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небесах; и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славити».

И вот наконец-то около двух часов дня в храме стало все стихать и установилась такая тишина, что слепому показало бы, что он один в этом огромном пространстве. Наступили такие щемящие минуты ожидания, так, уверен, все взмолились о ниспослании огня и, думаю, все так искренне калялись, что именно по его грехам огонь медлит сойти, что вот тут-то все стали единомысленны и единомолитвенны. В эти минуты все особенно остро понимали, что огонь от Господа сходит с небес только в православную Пасху.

И вот здесь я воочию увидел то, что никогда не пойму и не объясню своим слабым умом. Луч солнца, падающий с небес от купола, как раз с моей стороны, стал... ходить по часовне. Я думал, у меня что-то с головой. Ведь для того, чтобы луч солнца двигался вправо и влево, нужно было бы одно из двух: или что весь храм движется туда и сюда, или что солнце раскалывается на своей орбите. В это же время слабые - то белые, то голубоватые - всполохи огоньков стали появляться в разных местах храма: они бежали струйкой по колоннам, вспыхивали вверху или прямо над головами. О, тут уже все поняли, что это идет Благодатный огонь, тут уже такой крик поднялся! Кто плакал, кто хватал в объятия соседа. Из окна часовни патриарх подал горящие свечи. Но уже огонь был всюду. Потом говорили, что у одного нашего диакона в руках загорелись свечи, хотя он был далеко от Гроба. Я, грешный, этого не удостоился. Но у монашенок, стоящей рядом, загорелись. Я от них зажег свои. Пламя было сильным, светлого-голубым и ласковым, теплым. У меня было четырнадцать пучков. Прямо костер пылал у меня в руках, и я окунал в этот костер свое окошко лица.

Но уже бежали полицейские и требовали гасить свечи: много дыма поднималось от них и заполняло пространство. Тут снова я был свидетелем чудес: весь храм стал небесно-голубым, и запах от горения явно не восковых, не медовых свечей стал вдруг ладанным, благоухающим. Вскоре (как вскоре, не знаю) голубое, небесное, сияние внезапно сменилось утренне-розовым. А лучи солнца и при голубом, и при розовом были золотыми.

Много раз я невольно замечал, как наши паломники старались хоть чем-то да помочь Святой Земле. Видел, как две женщины торопливо собирали мусор с дорожек у католического монастыря, видел, как помогают старушке в Кане Галилейской таскать воду к цветнику. Можно ли себе представить в такой роли любого туриста из любой страны? Я говорю не в осуждение. Это же не входит в круг их обязанностей.

С нами были священники из Ставрополя, Краснодар, Москвы. Они привезли много свечей, и в храме Воскресения, это второе название храма Гроба Господня, ставили их у Гроба, у Камня помазания, особенно у Голгофы. Пламя освещало внутренность храма все сильнее, и дежурный грек, что-то весело сказав, пошел и стал выключать электричество. Монахиня мне перевела его слова: «Так много света из России, что можно обойтись без искусственного освещения».

Владимир КРУПИН
Публикуется с сокращениями

ФОТО ИТАР-ТАСС

НЕЗАКАТНЫЙ СВЕТ

Вот резкий поворот налево, вот вскоре еще более резкий поворот направо, и я уперся в плотную цепь патрулей. Цепь эту преодолевали или по пропускам, или за деньги. Деньги брали открыто и хладнокровно. Ни денег, ни пропуска у меня не было. Я уселся на один из многочисленных стульев и вздохнул. До храма Гроба Господня было метров сорок. Не у одного меня не было пропуска, маленькая площадь кипела разноязычием. Тут ко мне подошел человек в униформе и согнал меня. Не сразу согнал, а положил предо мною меню. Читая по-немецки, я узнал, что стакан чаю стоит семь долларов, а если с лимоном - десять. Так как я не заказал ничего, то и сидеть не имел права.

Совершенно расстроенный пошел вниз, снова к Гефсиманским воротам, вернулся, снова уперся в еще более усилившиеся цепи охраны. К полицейским добавились уже и войска. Между тем солнце поднялось и проникало даже в тесные улочки. Время перешло одиннадцатый час. Страстная суббота. В это время над Спасителем были сомкнутые своды каменной пещеры, огромный, запечатанный камень закрывал вход. У входа сидели солдаты, обсуждали вчерашнюю казнь. Приходили и любопытные иудеи, радовались, что Мессия оказался простым смертным. И какой это Мессия, Он не дал иудеям ни власти, ни денег, изгнал из храма торговцев, говорил о бесполезности собирания земного богатства. Нет, к ним придет их, настоящий, Мессия, даст власть над людьми и пространствами. А ученики Христа разошлись, боялись даже встречаться друг с другом взглядами.

Вдруг раздалась громкие звуки оркестров, барабаны, крики. Толпа хлынула на их зов. Меня понесло вместе с ней к Новым воротам. Но что-то вдруг, и с этого момента я уже не руководил своими действиями, что-то вдруг повернуло ее в одну из улочек, и я высочил из Старого города через Яффские ворота. Потом я пытался понять: как же я все-таки смог попасть в храм Гроба Господня? Только Божией милостью.

Кто, в какой момент толкнул меня в спину, как я совершенно спокойно прошел охранников, не знаю. Бог весть. Как потом прошел еще три кордона, которые совершенно безжалостно вышвыривали из рядов нечленов делегаций, не знаю. Последний кордон был особенно жестким фильтром. В грудь мне уперся здоровенный полицейский, а так как полиция в Иерусалиме вся русскоговорящая, то он и спросил по-русски: «А ты куда?» Почему, не знаю, я сказал совершенно неожиданно для себя: «Я батюшка помогаю», - и помню, сказал с такой уверенностью и силой, что полицейский отступил: «Верю, верю».

Меня вознесло общим движением на второй ярус, рядом с часовней Гроба, с Кувуклий. Теперь, когда гляжу на фотографии внутреннего вида храма, то вижу слева от часовни на втором ярусе тот пролет, ту арку, в которой был в ту Страстную субботу. Народу в храме было битком. И все прибывало и прибывало.

Что-то невообразимое творилось во всем храме, особенно у алтаря часовни. Молодежь кричала, пела, плясала. Девушки в брюках прыгали на шею крепким юношам, и юноши плясали вместе со своим живым грузом. Колотили в бубны, трубили в трубы. Иногда начинали враз свистеть. Я впервые ощутил физическую осязаемость свиста. В это время воздух в храме становился будто стеклянным.

В тесноте и пестроте пробившихся в храм сразу были различимы лица православных паломников. Наших я узнавал сразу. По выражению лиц, особенно глаз. Губы шептали молитвы. Если бы не спокойствие и молитвенность православных, что же бы тогда окончательно было в хра-

ние, которое продлевает существование рода человеческого еще на год.

У меня заранее, еще в Вифлееме, в храме Рождества, были куплены пучки свечей, в каждом тридцать три свечи, по числу земных лет Спасителя. Я утешал себя тем, что вынесут же огонь и на площадь, и на улицы, что я все равно же обожгу свои свечи Благодатным огнем. Если он будет.

Узенькие улицы были пусты, только мелькали на перекрестках полицейские да внутри лавочек, за закрытыми ставнями, что-то скреблось и стучало. Тут Господь мне послал рабу Свою Евтихию. Она сама подошла, видя, что я озираюсь и читаю таблички.

- Вы ищете Скорбный путь?
- Да, конечно, да.

- Идемте.

И Евтихия провела меня по Крестному пути Спасителя, по виа Долорозе. Сколько раз я мысленно шел по нему, и вот - наяву. Потом я сопоставлял свои представления с реальностью, все совпало. Только я представлял путь более крутым и прямым, а он пологий и извилистый.

История Евтихии была проста: ее дочь вышла замуж за израильтянина. Потом они уговорили мать приехать к ним жить.

- Говорили, что навсегда. Я все продала, перевела в доллары, привезла. А оказалось, нужна была только как нянька. Вынянчила внучку и стала не нужна. Уеду умирать к сыну. Вот еще попросила зятя свозить на Синай. И все. И уеду. Сын примет и без денег.

Евтихия шла на утреннюю службу к гробнице Божией Матери, я пошел с нею. Вышли из Старого города, перешли Кедрон. По-прежнему было пустынно. Евтихия показала Гефсиманский сад, церковь Марии Магдалины на склоне Елеонской горы, и мы, поклонясь друг другу, простились.

На ступенях гробницы, по бокам, горели свечи. Внизу, под гирляндами лампад, греки начинали служить литургию. Подойдя,

весился Иуда, тоже было недалеко, но я туда не пошел.

В католическом храме у Гефсиманского сада тоже шел... молебен, хотел я написать, но молебен ли это был? Молящаяся... но опять же - молящаяся ли молодежь была? Скорее поющая молодежь. Сидели они в открытом алтаре... алтаре ли? Брякали на гитарах и пели. Слава Богу, и здесь было на что перекреститься, было распятие. Я вышел, обошел, молясь, сад, подобрал продолговатые листочки, подошел к закрытым воротам храма Марии Магдалины, прочел молитвы, поклонился праху преподобномученицы Елизаветы и инокини Варвары. И вернулся через Гефсиманские ворота к храму Святой Анны, к Претории, откуда начался Крестный путь Спасителя. И... ничего не узнавал.

Как? Ведь только что, часа полтора назад, мне все показала Евтихия, я все запомнил, хотел в одиночестве пройти весь Крестный путь. Но где он? Все кругом кипело, кричало, торговало, продавало и покупало. Неслись мальчишки с подносами, протискивались тележки с товарами, ехали велосипедисты с большими багажниками или же с прицепами. Меня хватили за руки, совали прямо в лицо разную мелочь. Безошибочно узнавали во мне русского. А ведь только русских и можно обмануть. Торговаться мы не умеем и не любим, это наше достоинство на Ближнем Востоке принимается за недостаток. Араб или еврей, я их плохо различаю, тряса связкой чек и кричал: «Горбачев - один доллар, Ельцин - один доллар, Россия - миллион долларов, четки - десять долларов».

Я успокаивал себя тем, что так или иначе на этой небольшой территории Старого города заблудиться невозможно, что все равно хоть разок да попаду на Скорбный путь. И вскоре его обнаружил.

Он описан строкотан, он такой и есть, как на фотографиях: вот дом Вероники, вот тут захватили Симона Кирина-